

Сказка Туве Янссон " Мемуары папы Муми-тролля " Глава первая

в которой я рассказываю о своем детстве, когда меня никто не понимал, о первом Приключении, о ночи бегства, давшей новое направление моей жизни, а также описываю историческую встречу с Фредриксоном

Это было давным-давно. Однажды, скучным и ветреным августовским вечером, на крыльце дома для подкидышей муми-троллей была обнаружена обыкновенная хозяйственная сумка. В сумке, довольно небрежно завернутый в газетную бумагу, лежал не кто иной, как я сам.

Насколько романтичнее было бы, например, выстлать мхом маленькую хорошенькую корзиночку и положить меня туда!

Хемулиха, основавшая этот дом, интересовалась астрологией (для домашнего употребления) и, что было вполне разумно с ее стороны, обратила внимание на звезды, ознаменовавшие мое появление на свет. Они указывали на рождение совершенно незаурядного и высокоодаренного муми-тролля. Хемулиха, ясное дело, тут же забеспокоилась, что хлопот со мной не оберешься (ведь в обыденной жизни от гениев одни неприятности, но сам я, по крайней мере, от этого никаких неудобств не испытывал).

Удивительное дело – расположение звезд! Родись я несколькими часами раньше, я бы мог стать заядлым игроком в покер, а все те, кто родился на двадцать минут позже, почувствовали бы настоятельную необходимость вступить в Добровольный оркестр хемулей (папы и мамы должны быть очень осторожны, производя на свет детей, и я рекомендую каждому и каждой из них сделать предварительные и точные расчеты).

Одним словом, когда меня вынули из сумки, я трижды чихнул совершенно определенным образом. Уже это могло кое-что да значить!

Хемулиха, приложив печать к моему хвосту, заклеила меня магической цифрой тринадцать, поскольку до этого в доме обитали двенадцать подкидышей. Все они были одинаково серьезные, послушные и аккуратные, потому что Хемулиха, к сожалению, чаще мыла их, нежели прижимала к сердцу (солидной ее натуре доставало некоторой тонкости чувств). Дорогие читатели!

Представьте себе дом, где все комнаты одинаково квадратные, одинаково выкрашенные – в коричневатопивной цвет и расположены в строгом порядке: одна за другой! Вы говорите: не может быть! Вы утверждаете, что в доме для муми-троллей должно быть множество удивительнейших уголков и потайных комнат, лестниц, балкончиков и башен! Вы правы. Но только не в доме для найденышей! Более того: в этом приюте никому нельзя было вставать ночью, чтобы поесть, поболтать или прогуляться! Даже выйти по маленькой нужде было не так-то просто.

Мне, например, было строжайше запрещено приносить с собой в дом маленьких зверюшек и держать их под кроватью! Я должен был есть и умываться в одно и то же время, а здороваясь, держать хвост под углом в 45° – разве можно говорить обо всем этом без слез?!

Часто я останавливался перед маленьким зеркалом в прихожей и, обхватив мордочку лапками, заглядывал в свои печальные голубые глазки, в которых пытался прочесть тайну собственной жизни, и, вздыхая, произносил: "Один как перст. О жестокий мир! О жалкий мой жребий!". И повторял эти горестные слова до тех пор, пока мне не становилось чуточку легче.

Я был очень одинок, это часто случается с мумитроллями, наделенными своеобразными дарованиями. Никто меня не понимал, а сам себя я понимал еще меньше. Разумеется, я сразу заметил разницу между собой и другими муми-троллями. Разница эта состояла главным образом в их жалкой неспособности удивляться и изумляться.

Я же мог, например, спросить Хемулиху, почему все на свете устроено так, как есть, а не иначе.

– Хорошенькая была бы тогда картинка, – отвечала Хемулиха. – А разве так, как сейчас, плохо?

Увы, она никогда не давала мне вразумительных объяснений, и я все больше и больше убеждался в том, что ей попросту хотелось отвязаться от меня. Хемули ведь никогда не задают вопросов: что? где? кто? как? Я же мог спросить Хемулиху:

– Почему я – это я, а не кто-нибудь другой?

– То, что ты – это ты, – несчастье для нас обоих! Ты умывался? – Так отвечала она на мои важные вопросы.

Но я не отставал:

– А почему вы, тетенька, – Хемулиха, а не мумитроллиха?

– К счастью, и моя мама, и мой папа были хемули, – отвечала она.

– А их папы и мамы? – не унимался я.

– Хемули! – воскликнула Хемулиха. – И их папы и мамы были хемулями, и папы и мамы этих хемулей – тоже хемулями, и так далее, и так далее! А теперь иди и умойся, а то я нервничаю.

– Как ужасно! Неужели этим хемулям никогда и конца не будет? – спрашивал я. – Ведь были же когда-нибудь самые первые папа с мамой?

– Это было так давно, что незачем этим интересоваться, – сердилась Хемулиха. – И, собственно говоря, почему нам должен настать конец?

(Смутное, но неотвязное предчувствие говорило мне, что цепочка пап и мам, имеющих отношение ко мне, была чем-то из ряда вон выходящим. Меня ничуть не удивило бы, если бы на моей пеленке была вышита королевская корона. Но – ах! – что можно прочесть на листке газетной бумаги?)

Однажды мне приснилось, что я поздоровался с Хемулихой неправильно, держа хвост под углом в 70°. Я рассказал ей об этом и спросил, рассердилась она или нет.

– Сны – ерунда, – изрекла Хемулиха.

– Разве? – возразил я. – А может, тот муми-тролль, который мне приснился, и есть настоящий, а мумитролль, который находится здесь, просто приснился тебе, тетенька?

– К сожалению, нет! Ты существуешь, и еще как! – устало отмахнулась Хемулиха. – Я с тобой не справляюсь! У меня от тебя болит голова! Что будет с тобой в этом мире, где все делается не по-хемульски!

– Я стану знаменитым, – серьезно объяснил я. – И среди прочих дел построю дом для маленьких подкидышей-хемулят. И все они будут есть бутерброды прямо в кровати, а под кроватью держать скунсов и ужей.

– На это хемулята никогда не согласятся, – сказала Хемулиха.

Мне казалось, что она, к сожалению, права. Так и проходило мое детство. Я только и делал что молча удивлялся и постоянно повторял свои вопросы: что? где? кто? как? Хемулиха и ее послушные подкидыши упорно избегали меня. От моих "что?", "где?", "кто?", "как?", "когда?" и "почему?" им становилось явно не по себе. И я одиноко бродил вокруг дома Хемулихи по пустынному, безлесному побережью, размышляя то о паутине, то о звездах, то о малявках с загнутыми хвостиками, так и шнырявших в лужах, а то и о ветре, который приносил отовсюду разные запахи (позднее я узнаю: одаренный муми-тролль всегда поражается самым простым вещам, но не видит ничего удивительного в том, что кажется странным обычному муми-троллю). Да, печальное было время!

Но постепенно что-то изменилось во мне: я стал задумываться о форме моей собственной мордочки. Предоставив Хемулиху и других муми-троллят их собственной судьбе, я начал все больше и больше думать о себе самом. И находил это занятие весьма увлекательным. Я перестаю задавать вопросы. Зато я испытал непреодолимое желание говорить о том, что я сам думал и чувствовал. Но – ах! – кроме меня, на свете не было никого, кому я был бы хоть сколько-нибудь интересен.

И вот пришла та самая весна, весна, такая важная для моего развития. Сначала я и думать не думал, что она пришла ради меня. Я слышал, как пищит, жужжит и бормочет, как пробуждается от зимней спячки все живое и торопится встретиться весну. Я видел, как в разбитом по строгим законам симметрии огорожке Хемулихи растения набирают силу, а все, что пробивается из земли, просто извивается от нетерпения. По ночам гудели свежие ветры, и пахло по-новому – переменами. Я прислушивался и принимался. Лапки мои болели от быстрого роста, но я по-прежнему не понимал, что все это происходит только ради меня.

Наконец однажды, ветреным утром, я почувствовал... да, я просто-напросто почувствовал, что вырос. Я пошел прямо к морю, которое Хемулиха терпеть не могла и поэтому строго-настроено запрещала ходить туда.

Там меня ожидало поразительное открытие. Я впервые увидел самого себя во весь рост. Блестящая льдина была гораздо больше зеркала в прихожей дома Хемулихи, и в ней отражалось весеннее небо с плывущими по нему тучками и весь я. Наконец-то я мог разглядеть свою мордочку с маленькими, хорошенькими, стоящими торчком ушками и все свое крепкое, хорошо сложенное туловище – до самых лапок. Единственное, что меня, по правде говоря, немного разочаровало – это лапки, создававшие впечатление беспомощности и какой-то детскости. Но, подумал я, может, со временем это пройдет. Сила моя, вне всякого сомнения, – в голове. Что бы я ни делал, со

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

мною никто не заскучает. И в глубину моей души никому не удастся заглянуть. Словно замороженный, разглядывал я свое отражение и, желая еще лучше рассмотреть себя в ледяном зеркале, лег на живот.

Но себя я там не увидел. Подо мной была лишь зеленоватая бездонная мгла, все глубже и глубже уходившая в бездну. Там, в чуждом мне, таинственном мире, отделенном от меня льдом, шевелились смутные тени. Они казались мне грозными и вместе с тем необычайно манили к себе. Голова у меня закружилась, и мне почудилось, что я падаю... вниз... вниз...

Это было ужасно, и я снова подумал: "Неужели мне никогда не выбраться вверх? Неужели только все вниз, вниз и вниз?"

Глубоко взволнованный, я поднялся и топнул по льду, желая проверить, выдержит ли он меня. Лед выдержал. Тогда я топнул сильнее – и лед не выдержал.

Я по уши окунулся в зеленоватое холодное море, лишь лапки мои беспомощно повисли над бездонной и опасной мглой.

По весеннему же небу по-прежнему спокойно проплывали тучи.

А вдруг одна из грозных теней, шевелящихся в морской воде, съест меня? А может, она откусит одно мое ушко, принесет его к себе домой и скажет своим детям: "Съешьте его побыстрее! Это ухо настоящего маленького муми-тролля. Такое лакомство не каждый день перепадает".

А может, волна с бешеной скоростью вынесет меня на сушу, и Хемулиха, увидев меня с одним лишь ушком, опутанным водорослями, заплачет, станет каяться и говорить всем своим знакомым: "Ах! Это был такой необыкновенный муми-тролль! Жаль, что я этого вовремя не поняла..."

В мыслях я успел уже добраться до собственных похорон, как вдруг почувствовал, что кто-то очень осторожно дергает меня за хвост. Каждый, у кого есть хвост, знает, как дорожишь этим редчайшим украшением и как мгновенно реагируешь, если хвосту угрожает опасность или какое-нибудь оскорбление. Я мигом очнулся от своих захватывающих мечтаний и преисполнился жажды деятельности: я решительно выкарабкаюсь на лед и перебрался на берег. И тут я сказал самому себе:

– Я пережил Приключение. Первое Приключение в моей жизни. Остаться у Хемулихи невозможно. Беру свою судьбу в собственные лапы!

Целый день меня знобило, но никто даже не спросил, что со мной. Это укрепило мое решение. Когда наступили сумерки, я разорвал свою простыню на длинные полосы, сплел из них веревку, а веревку привязал к рейке оконного переплета. Послушные подкидыши поглядывали на меня, но молчали. Это меня сильно оскорбило. После вечернего чая я с величайшей добросовестностью составил свое прощальное письмо. Письмо было написано совсем просто, но в нем ощущалось глубокое внутреннее достоинство. Вот мое письмо:

"Дорогая Хемулиха!

Чувствую, что меня ожидают великие подвиги, а жизнь муми-тролля – коротка. И потому я покидаю этот дом, прощай, не печалься, я вернусь, увенчанный славой!

PS. Забираю с собой банку тыквенного пюре.
Привет! Желаю тебе всего доброго.

Муми-тролль, который не похож на других".

Итак, жребий брошен! Ведомый звездами своей судьбы, я отправился в путь, не подозревая об ожидавших меня удивительных событиях. Я был всего-навсего юный муми-тролль, печально бредущий по вересковой пустоши и вздрагивающий всякий раз, когда ужасные звуки ночи нарушали тишину горных теснин, усиливая мое одиночество.

Дойдя в своих мемуарах до этих событий, Муми-папа почувствовал, что воспоминания о несчастном детстве глубоко захватили его и он должен немного прийти в себя. Завинтив колпачок ручки, он подошел к окну. Над Муми-долиной царил полная тишина. Один лишь ночной ветерок, прилетевший с севера, шелестел в саду, да веревочная лестница Муми-тролля качалась, словно маятник, у стены дома.

"Я мог бы и теперь сбежать, – подумал папа. – Не такой уж я и старый!"

Усмехнувшись, папа высунул в окно лапу и притянул к себе веревочную лестницу.

– Привет, папа! – произнес в соседнем окошке Муми-тролль. – Что ты делаешь?

– Зарядку, сын мой! – отвечал папа. – Очень полезно! Шаг – вниз, два – вверх. Укрепляет мышцы.

– Только не свались! – предупредил Муми-тролль. – Как там твои мемуары?

– Прекрасно! – Папа перебрал свои дрожащие лапы через подоконник. – В мемуарах я совсем недавно сбежал из дома для подкидышей. Хемулиха плачет. Будет необыкновенно увлекательно.

– Когда ты прочитаешь нам эти свои записки? – спросил Муми-тролль.

– Скоро. Как только дойду до речного парохода, – пообещал папа. – До чего же весело читать вслух то, что сам написал!

– Ясное дело, – подтвердил, зевая, Муми-тролль. – Ну пока!

– Привет, привет! – отозвался папа и отвинтил колпачок ручки. – Так. На чем это я остановился?.. Ах, да, я убежал, а утром... Нет, это – позднее... Сначала надо описать ночь бегства.

...Всю ночь я брел по незнакомой мрачной местности. Я шел, не смея остановиться, не смея даже смотреть по сторонам. Кто знает, что может внезапно появиться во мраке! Я пытался петь утренний марш подкидышей: "Как не по-хемульски в этом мире..." Но голос мой дрожал так, словно хотел напугать меня еще больше. Ночь была непроглядная. Туман, густой, как овсяный суп, которым кормила нас Хемулиха, наполнил на пустошь, превращая кусты и камни в бесформенных чудовищ. Они надвигались на меня, простирали ко мне руки... О, как мне было жаль себя!

Даже неприятное ощущение Хемулихи на короткий миг показалось мне вдруг приятным. Вернуться назад? Никогда! Да еще после великолепного прощального письма!

Наконец ночной мрак стал рассеиваться. Выходило солнце. На моих глазах происходило нечто прекрасное. Туман зарделся, стал таким же розоватым, как вуаль воскресной шляпки Хемулихи. И мир вмиг преобразился, он тоже сделался добрым и розоватым! Я застыл, наблюдая, как исчезает ночь; я совершенно забыл о ней, ведь наступило первое мое утро, мое – личное, принадлежащее только мне утро!

Дорогой читатель!

Представь себе мою радость и торжество, когда я сорвал с хвоста ненавистную печать и забросил ее подальше в вереск! А потом, подняв торчком свои хорошенькие ушки и задрал мордочку, я исполнил новый танец, танец свободного муми-тролля.

Подумать только! Не надо больше умываться, не надо есть только потому, что уже пять часов! Никогда ни перед кем, кроме короля, не вилять хвостом и не ночевать больше в квадратной, коричневато-пивного цвета комнате! Долой хемулей!

Солнце выкатилось на небосвод, лучи его заискрились в паутине и мокрой листве, и сквозь редящий туман я увидел Дорогу. Извиваясь по вересковой пустоши, она вела прямо в большой мир, в мою новую жизнь, которая, как я считал, станет необыкновенно знаменитой, не похожей ни на какую другую.

Я достал тыквенное пюре – единственное, что у меня было, – съел его, а банку выбросил. Делать мне было нечего, да и делать что-либо по-старому, когда вокруг все абсолютно новое, невозможно. Мне никогда не жилось так прекрасно.

В таком приподнятом настроении я пребывал до вечера. Надвигающиеся сумерки меня ничуть не беспокоили – я был переполнен самим собой и своей свободой. Напевая собственного сочинения песню (все до единого слова в ней были значительны, к сожалению, теперь она позабылась), я двинулся прямо в ночь.

Ветер, обдувая каким-то незнакомым, приятным запахом, волновал меня. Я не знал тогда, что это запах леса – мха, папоротников, тысячи огромных деревьев. Вконец утомившись, я свернулся клубочком на земле и поджал под живот свои холодные лапки. Может, мне все-таки не стоит основывать приют для хемулят? Ведь их подкидывают не так уж часто. И вообще, кем мне лучше стать: искателем приключений или знаменитостью? Наконец после некоторых раздумий я решил стать знаменитым искателем приключений. И, засыпая, думал: завтра же утром!

Проснувшись, я обнаружил, что нахожусь в совершенно незнакомом мире. Ну и удивился же я! Ведь прежде я не видел ни одного лесного дерева. Головокружительной высоты, прямые, точно копы, они горделиво поддерживали свои зеленые своды. Освещенная солнцем, тихо и легко шелестела листва, а вокруг с радостными криками носились птицы. Чтобы собраться с мыслями, я немного постоял на голове, а потом громко закричал им:

– Доброе утро! Кто хозяин этих чудесных мест? Надеюсь, здесь нет хемулей?

– У нас нет времени! Мы играем! – отвечали птицы, ныряя вниз головой в густую листву.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И тогда я пошел прямо в лес. Земля, одетая мхом, была теплой и очень мягкой, а листья папоротника отбрасывали на нее глубокие тени. Целые полчища никогда прежде не виданных мной ползающих и летающих букашек окружили меня, однако они были слишком маленькие, чтобы говорить с ними о серьезных вещах. Наконец я наткнулся на пожилую Ежиху, сидевшую в одиночестве и драившую ореховую скорлупу.

– Доброе утро! – вежливо поздоровался я. – Я одинокий беглец, рожденный при самом необыкновенном сочетании звезд.

– Вот как! – не проявляя особого интереса к моей особе, буркнула Ежиха. – А я работаю. Из этой скорлупки выйдет прекрасная мисочка для простокваши.

– Да-а! – протянул я и вдруг почувствовал, что хочу есть. – Кто же хозяин этих чудесных мест?

– Никто! Все! – пожала плечами Ежиха.

– И я тоже? – спросил я.

– Пожалуй, – пробормотала Ежиха, полируя будущую мисочку для своей простокваши.

– Но, фру Ежиха, вы точно уверены, что хозяйка этих мест не какая-нибудь Хемулиха? – продолжая беспокоиться, допрашивал я.

– Кто это? Кто это такая? – спросила Ежиха. Подумать только, счастливица никогда в жизни не видела хемулях!

– У них ужасно большие ноги и никакого чувства юмора, – объяснил я. – У них огромные, чуть приплюснутые морды, а волосы растут беспорядочными клоچьями. Хемулихи никогда не делают то, от чего делается весело, а только то, что необходимо. И постоянно напоминают вам о том, что бы они сами сделали, будь на вашем месте, и...

– О, боже! – Ежиха, попятившись, скрылась в зарослях папоротника.

"Ну и ладно, – слегка обидевшись, подумал я (ведь я мог значительно больше рассказать о Хемулихах). – Раз у этих мест нет хозяина и они принадлежат всем, значит, и мне тоже. Но что бы мне такое придумать?"

Идея, как это всегда со мной бывает, пришла внезапно. В голове у меня что-то щелкнуло, и все стало ясно. Если есть на свете Муми-тролль и если есть свободные Места, то совершенно точно: здесь будет Дом. Какая восхитительная мысль: дом, который я сам построю! Дом, хозяин которого – я один. Неподалеку я обнаружил ручей и зеленую полянку, показавшуюся мне очень подходящей для муми-тролля. В излучине ручья нашелся даже песчаный бережок.

Я взял щепку и стал чертить на песке свой будущий дом. Побольше уверенности! Я точно знал, каким должен быть дом муми-тролля: высоким, узким, со множеством балкончиков, лестниц и башенок. На верхнем этаже я нарисовал три маленькие комнатки и чулан для всякой всячины, ну, сами знаете! Нижний же этаж целиком заняла большая шикарная гостиная. К ней я причертил застекленную веранду. Отсюда мне предстояло, сидя в кресле-качалке, смотреть на бегущий мимо ручей. А на столике передо мной будет вечно стоять огромный стакан сока и рядом с ним – гора бутербродов. Перилам веранды я пририсовал столбики с узором в виде сосновых шишек. Остроконечную крышу украсил красивой деревянной луковицей и тут же решил, что когда-нибудь в будущем обязательно позолочу ее. Я долго размышлял над тем, какую форму избрать для печной дверцы (пережиток тех времен, когда все муми-тролли жили за печкой). В конце концов я решил отказаться от множества маленьких печек с медными дверцами и вместо них сделал одну большую печь в гостиной.

С печкой дом сразу сделался необычайно уютным. И я был просто очарован моим собственным прекрасным произведением. Должно быть, тут проявились мои врожденные способности, а также талант, рассудительность и самокритичность. Но так как никогда не следует хвалить то, что создано тобою, я просто описываю вам этот дом.

Внезапно мне стало холодно. Тень от папоротника все росла и росла, вечерело...

От усталости и голода у меня закружилась голова, и я только и думал, что о Ежихиной мисочке для простокваши. К тому же у нее вполне могла завалиться краска, которой можно будет позолотить купол в виде луковицы на крыше будущего дома муми-троллей. Устало передвигая одеревеневшие лапки, я побрел по темнеющему лесу.

Ежиха мыла посуду.

– Подумать только! – воскликнула она при виде меня. – Он снова здесь! Только ни слова о хемулях!

Махнув лапкой, я заговорил:

– Хемули, любезная фру, для меня теперь – никто! Я построил дом! Скромный двухэтажный дом! Я очень счастлив, но очень устал, а прежде всего – ужасно голоден! Я привык есть ровно в пять часов. И мне надо немного золотой краски для луковицы на...

– Вот оно что! Золотой краски! – с кислой миной перебила меня Ежиха. – Ты явился как раз к мытью посуды. Свежая простокваша еще не готова, а вечернюю я съела.

– Ну и ладно, – отвечал я. – Одной мисочкой простокваши больше, одной меньше – не так уж важно для искателя приключений. Но прошу вас, любезная фру, оставьте посуду и взгляните на мой новый дом!

Ежиха подозрительно посмотрела на меня и вытерла лапки полотенцем.

– Так и быть, – сказала она. – Придется потом снова воду подогревать. Где дом? Далеко отсюда?

Я шел впереди, и от дурного предчувствия всю дорогу у меня дрожали поджилки.

– Ну-у? – спросила Ежиха, когда мы приблизились к ручью.

– Любезная фру, – осторожно начал я, показывая на дом, который начертил на песке. – Вот таким я представляю его себе... Перила веранды опираются на столбики с узором в виде сосновых шишек. То есть, если вы, фру, одолжите мне лобзик...

Я был совершенно сбит с толку.

Дорогой читатель! Я так вжил в мечту о доме, что уверился, будто он и в самом деле уже построен! Это, конечно, свидетельствует о богатстве моей фантазии – необычайной особенности, которая в будущем отметит мою жизнь и жизнь моих близких.

Ежиха долго смотрела на меня, потом наконец что-то пробормотала (к счастью, слов я не разобрал) и отправилась восвояси – домывать посуду.

А я залез в ручей и, ни о чем не думая, побрел по прохладной воде. Ручей тек причудливо и неспешно, как обычно текут лесные ручьи. Местами он становился таким мелким и прозрачным, что на дне его был виден каждый камешек. Багровое солнце стояло низко над горизонтом, его лучи, огибая сосновые стволы, били мне прямо в глаза, и я, ослепленный, брел все дальше и дальше.

Наконец в голове у меня опять щелкнуло. Если бы я и в самом деле построил дом вот на том красивом лужке, поросшем цветами, то весь лужок был бы испорчен, не так ли?

Дом надо строить рядом с лужком, но рядом с лужком места для постройки не было! Подумать только: я чуть не стал домовладельцем! А разве домовладелец может быть искателем приключений?

Дальше... Я чуть было на всю свою жизнь не обзавелся такой соседкой, как Ежиха! Скорее всего она из обширного ежового рода, и все они там такого же неприветливого нрава. Стало быть, я избежал трех больших бед и должен испытывать чувство глубокого удовлетворения.

Теперь задним числом я смотрю на историю с домом как на свой первый большой жизненный Опыт, имевший величайшее значение для моего дальнейшего развития.

Сохранив свободу и самоуважение, я мог брести по ручью и дальше, но мысли мои были прерваны каким-то веселым, коротеньким звуком. Посреди ручья стрекотало красивое водяное колесо, сделанное из колышков и лопастей. Я остановился в удивлении. И тут же услышал, как кто-то говорит:

– Это эксперимент. Счетчик оборотов.

Я приоткрыл глаза и увидел, что из черничника высовывается пара длинных-предлинных ушей.

– С кем имею честь? – спросил я.

– Фредриксон, – ответил обладатель длинных ушей. – А ты сам – кто?

– Муми-тролль, – отвечал я. – Беглец, рожденный при самом необыкновенном сочетании звезд.

– Каком-каком? – переспросил Фредриксон с заметным интересом.

И я очень тому обрадовался, потому что впервые услышал разумный, интеллигентный вопрос.

Я вылез из ручья и, сев рядом с Фредриксоном, стал рассказывать ему о всех знаках и предзнаменованиях, сопровождавших мое появление на свет. Он ни разу не прервал меня, слушая мой рассказ о красивой маленькой корзиночке и газетной бумаге, в которой меня якобы нашла Хемулиха, и о моем ужасном детстве в ее ужасном доме, где меня никто не понимал. И о Приключении на весеннем льду...

Поскольку в рассказе всегда следует сосредоточиться на самом главном, историю с домом и Ежихой я опустил, зато подробно описал свое драматическое бегство и ужасное странствие по вересковой пустоши. И под конец сообщил Фредриксону, что решил стать искателем приключений.

Когда я умолк, Фредриксон, слушавший меня очень внимательно и изредка, в нужных местах, помахивавший ушами, долго думал и наконец сказал:

– Удивительно! До чего удивительно!

– Конечно! – с благодарностью произнес я.

– А хемули просто отвратительны, – заявил Фредриксон и, рассеянно вытащив из кармана пакет с бутербродами, отдал мне половину, пояснив: – Ветчина.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Потом мы с ним немного посидели, глядя, как заходит солнце.

За время своей долголетней дружбы с Фредриксоном я не раз удивлялся тому, как он может успокаивать и убеждать, не произнося сколько-нибудь значительных и громких слов. Но я намерен продолжить свой рассказ... К моему вящему удовольствию, день кончился чудесно, и я рекомендую каждому, у кого беспокойно на душе, посмотреть на искусно сделанное водяное колесо, которое стрекочет посреди ручья.

Искусству изготовлять такие колеса я научил позднее и моего сына Муми-тролля. (Это делают так: вырезают два маленьких колышка и втыкают их в песчаное дно ручья на некотором расстоянии друг от друга. Затем находят четыре длинных листа и протыкают их прутиком, чтобы они вместе составили что-то вроде звездочки. Эту несложную конструкцию укрепляют двумя тоненькими веточками. Под конец прутики с листочками осторожно кладут на распорки, и водяное колесо начинает вертеться.)

Когда в лесу совсем стемнело, мы с Фредриксоном вернулись на мой зеленый лужок и легли спать. Мы провели ночь на веранде моего дома, хотя Фредриксон об этом и не подозревал. Во всяком случае мне стало совершенно ясно, что дом готов и мне больше не надо думать об этом.

Единственное, что имело значение, – я нашел своего первого друга, и для меня началась настоящая жизнь.